

Пилецкий Сергей Григорьевич

Э. О. УИЛСОН О ДИСЦИПЛИНЕ И АНТИДИСЦИПЛИНЕ

Статья концентрирует внимание на весьма актуальной и непростой проблеме философии и методологии науки - взаимодействии биологического и гуманитарного знания. По данной проблеме, с одной стороны, нет недостатка в специальной литературе, но, с другой стороны, автор поднимает её в свете и через призму социобиологической теории, которая ставит эту проблематику в наиболее острой, но в то же время потенциально плодотворной форме. Автор статьи использует для её анализа материалы великолепной работы Э. О. Уилсона - основоположника социобиологии - "О природе человека". Она, равно как, собственно, и все другие работы Э. О. Уилсона, у нас до сих пор, к сожалению, не переведена.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/2-1/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. I. С. 154-157. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Бабушкин А. П.** Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: ВГУ, 1996.
2. **Гуссерль Э.** Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. Т. 1.
3. **Гуссерль Э.** Логические исследования. М.: ДИК, 2001. Т. 2.
4. **Касавин И. Т.** Язык повседневности: между логикой и феноменологией // Вопросы философии. 2003. № 5. С. 14-30.
5. **Кребель И. А.** Феноменологическое определение языка в перспективе развития философского знания XXI века // Перспективы философии и философского образования в XXI веке: материалы летней философской школы. Новосибирск, 2002. С. 119-123.
6. **Песина С. А.** Слово в когнитивном аспекте: монография. М.: Наука, 2011.
7. **Серль Д.** Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002.
8. **Слинин Я. А.** Феноменология intersubjectivity. СПб.: Наука, 2004.
9. **Хайдеггер М.** Язык. СПб.: ЭЙДОС, 1991.

LANGUAGE INTENTIONALITY AND SIGNIFICANCE IN PHENOMENOLOGY

Svetlana Andreevna Pesina, Doctor in Philology, Professor
Faculty of Linguistics and Translation
Magnitogorsk State University
pesin@bk.ru

The author considers language in analytic philosophy as well as phenomenologists' attitude to it, shows that in phenomenology the existence of such consciousness state is often postulated that does not require the use of linguistic forms as it can directly contemplate subject essence, and substantiates that not only systematic nature is inherent to philosophical thinking, but also the deep insight into natural language, by means of which the communication and cognition of the world around are carried out.

Key words and phrases: phenomenology; intentionality; philosophy of language; consciousness; noema.

УДК 167.12

Статья концентрирует внимание на весьма актуальной и непростой проблеме философии и методологии науки – взаимодействию биологического и гуманитарного знания. По данной проблеме, с одной стороны, нет недостатка в специальной литературе, но, с другой стороны, автор поднимает её в свете и через призму социобиологической теории, которая ставит эту проблематику в наиболее острой, но в то же время потенциально плодотворной форме. Автор статьи использует для её анализа материалы великой работы Э. О. Уилсона – основоположника социобиологии – «О природе человека». Она, равно как, собственно, и все другие работы Э. О. Уилсона, у нас до сих пор, к сожалению, не переведена.

Ключевые слова и фразы: биологическое знание; общественные науки; социобиология; взаимодействие дисциплины и антидисциплины; диалектический синтез.

Сергей Григорьевич Пилецкий, к. филос. н., доцент
Кафедра истории и философии
Ярославская государственная медицинская академия
SergeyPiletsky@yandex.ru

Э. О. УИЛСОН О ДИСЦИПЛИНЕ И АНТИДИСЦИПЛИНЕ[©]

Начать, пожалуй, следует с представления: Эдвард Осборн Уилсон – это выдающийся энтомолог, а точнее даже – всемирно известный философствующий биолог, лауреат многочисленных премий и наград, в том числе двух Пулитцеровских премий (за книги «О природе человека» и «Муравьи») и Тайлеровской премии по экологии (за книгу «Биофилия»). Прочсть, правда, какое-либо из уилсоновских произведений на русском языке не удастся, поскольку ни одна из его книг не переведена. А очень жаль: много там весьма ценного и по биологии, и по философии, и по философии биологии. Более того, есть там кое-что чрезвычайно любопытное и по методологии науки. Но прежде чем указать, что именно, давайте хоть вскользь вспомним предысторию.

Главная «проблема» Эдварда Осборна Уилсона с точки зрения нашего к нему (по крайней мере – официального) отношения была в том, что он выступил своего рода «буревестником» революции. Во-первых, все его основные работы, в том числе и мной указанные, были написаны с середины 70-х и по весь наш «перестроечный» период включительно. Более того, все напряжённые идеологические баталии относительно и вокруг социобиологии и социобиологов (а в отношении самого Уилсона – особенно) как раз и велись с середины 70-х и по весь наш «перестроечный» период включительно. Так что в самом

непосредственном смысле работы Э. О. Уилсона влились в общую струю глобальной многоплановой, многоуровневой антимарксистской атаки, рушили авторитеты, будоражили умы, сеяли сомнения, исподволь подтачивали устои, что даёт полные основания полагать его «буревестником» всех наших социально-экономических и политических перемен, которые, к сожалению, оказались безотрадными. Но что взять с буревестника?! Буревестник – не ответчик за бурю.

Второй смысл словосочетания «буревестник перемен» более академический, и в этом своём академическом статусе – более важный. Эдвард Осборн Уилсон выступил «буревестником» перемен отношения к биологическому знанию, путей развития биологии, необходимости наконец-то преодолеть тот громадный разрыв, который образовался за последние десятилетия между биологическим и гуманитарным знаниями. Уилсон называет это «конфликтом двух культур», причём конфликтом бесцельным, бессмысленным и в высшей степени контрпродуктивным. От этого страдает как биология, так в не меньшей мере и общественные науки. Уилсон сравнивает затянувшуюся эру разногласий между двумя сферами знаний с «изнурительными, кровопролитными, но ничего не дающими боями под Верденом и на Сомме» [1, р. 24]. Он призывает закончить войну, принять перемирие и заключить обоюдovýгодный союз. По его словам, «эти два царства знаний никак не могут найти общего языка, хотя ставят перед собой те же самые вопросы: кто мы? откуда мы? как решить, куда идти?» [Ibidem, р. 27].

Но с чего, спрашивается, началась эта долгая и беспутная война? А началась она с экспансии. С экспансии биологов, так что гуманитарии здесь в ранге стороны защищающейся и обороняющейся, хотя периодически и переходящей в ожесточённые контратаки. Однажды биологи вероломно нарушили негласный, но веками сохранявшийся в неприкосновенности раздел сфер влияния между естественными и гуманитарными науками. Гуманитарии взывали, просили, требовали от естественников лишь одного: занимайтесь чем хотите, изучайте что хотите, но человека – не троньте, оставьте в покое – это, так сказать, наша «епархия». Пока эти учёные занимались букашками да зверюшками, к ним особых претензий не было. Время от времени возникали, правда, тлеющие, вяло текущие локальные конфликтные ситуации, когда биологи, в особенности этологи (скажем, Конрад Лоренц или Николас Тинберген), «позволяли себе недопустимые аналогии, антропоморфную лексику для описания жизнедеятельности биологических особей, поиски каких-то там «инвариантов» поведения, единящих, мол, всё живое, ничем не оправданные максимальные обобщения, включающие в себя и человека» [3, р. 548]. Это несколько напрягало, нервировало, но им незамедлительно давалась того заслуживающая отповедь. Так что эти «пограничные» конфликты в широкомасштабную войну не перерастали. Тем более, что «нарушители границ» всё же зачастую были не «некто», не «кто попало», а люди вполне заслуженные, лауреаты Нобелевской премии.

Гром грянул в 1975 году с написания той самой книги Эдварда Осборна Уилсона «Социобиология: новый синтез», а точнее – той самой скандальной XXVI главы «Человек: от социобиологии к социологии». Это уже было равносильно объявлению войны. И данное событие выглядело тем более вызывающим и оскорбительным, что неспровоцированную «агрессию» предпринял не какой-нибудь «взбалмошный» лауреат Нобелевской премии, что бывает хоть и неприятно, но простительно, или, по крайней мере, увещанный регалиями и общепризнанными заслугами мировой авторитет, а к тому времени мало кому известный (уж во всяком случае – гуманитариям) энтомолог, специалист по муравьям. Это уж, извините, верх наглости. Так вот этот энтомолог возомнил себя «Наполеоном» и провозгласил «основной своей задачей создание новой синтетической науки о человеке» [Ibidem, р. 36]. Под «новым синтезом» он имел в виду «системное обоснование общей социобиологии и социобиологии человека как составной её части. При этом общая социобиология нужна для того, чтобы выделить из традиционной этологии собственно «общественные» формы поведения животных и исследовать их в эволюционно-генетическом аспекте [Ibidem, р. 37]. Для этого предлагалось осуществить интеграцию различных разделов биологического знания – этологии, экологии, генетики, эволюционной биологии, а также привлечь гуманитарные науки, способные дать материал о формах общественного поведения человека. Цель общей социобиологии планировалась «в обнаружении и изучении путей развития характерных черт социальной организации сообществ живых организмов» [Ibidem, р. 39]. Задачи же социобиологии человека «связывались, прежде всего, с созданием «биограммы» человека, т.е. максимально полного описания природно-биологических основ его жизнедеятельности» [Ibidem, р. 40].

И что самое скверное: вторгшись на «чужое» пространство, биология с самого начала была предельно экспансивна и бескомпромиссна: какие уж там извинения за агрессию, её даже сосуществование на равных на оккупированной территории не устраивало. В новом «миропорядке» общественным наукам отводилась, в лучшем случае, второстепенная и вспомогательная роль. Это обосновывалось и оправдывалось тем соображением, что, мол, о прежнем царствовании, о прежней монополии пора забыть – времена уже не те, мол, «каждый сверчок должен знать свой шесток», мол, «по Сеньке и шапка». Писалось, конечно, не так, писалось, что, «не страшась той “филогенетической бездны”, которая разделяет человека и простейшие формы организации живой материи, надо попытаться проследить эволюционные детерминанты поведения человека, берущие начало в мире живого» [Ibidem, р. 56]. Писалось о необходимости более широкого, чем когда бы то ни было, привлечения биологии к познанию человека, социальных форм его поведения, предпосылки которых создавались всем ходом биологической эволюции. Ответная реакция не заставила себя долго ждать. Социобиологии сразу была инкриминирована целая куча зол: от биологизма и сексизма до расизма и приверженности фашистской идеологии. Гвалт упрёков шёл от широчайшего спектра её обвинителей: от лево-радикалов до клерикалов и от обществоведов до генетиков, более ревностных идеологии. Тут уж

случилось небывалое, из ряда вон выходящее, событие: буреветника не только стали взывать к ответу за бурю, а прямо-таки и обвинили в этой самой буре. Но, заканчивая исторический экскурс, скажу лишь следующее: как говорится, «нет худа без добра» – зато сейчас у нас есть все основания и все возможности действительно беспристрастного, максимально объективного – без всяких там привходящих факторов партийно-идеологического порядка – анализа достижений Э. О. Уилсона вообще и по методологии науки в частности. Что, собственно, и будет предметом нашего дальнейшего интереса.

Уилсон начинает с того, что подчёркивает: важнейшая и первейшая по значимости гносеологическая задача конца XX и XXI века – это нахождение приемлемого синтеза между биологией и социальными науками. Обе эти культуры, как он их называет, лишь совсем недавно вошли в общее поле зрения друг друга. И результатом вышла вполне предсказуемая смесь обоюдного отвращения, непонимания, сверхэнтузиазма, локальных конфликтов и соглашений. Ситуация может быть суммирована, по словам Уилсона, упоминанием того, что биология сегодня предстаёт как антидисциплина социальным наукам. Вот что он по этому поводу пишет: «Словом “антидисциплина” я хочу лишь подчеркнуть специфически враждебное отношение, которое зачастую существует, когда исследовательские поля на смежных уровнях организации впервые начинают приходиться во взаимодействие. Для химии такой антидисциплиной является физика макротел, для молекулярной биологии – химия, для физиологии – молекулярная биология и так далее по возрастающей через подобные парные уровни усиления специализации и сложности» [1, р. 7].

Типичным для ранней истории дисциплин является то, что её практиканты искренне верят в новизну и уникальность её предмета. Они посвящают всю свою жизнь изучению специфических сущностей и образцов, и на ранней стадии исследования они практически не допускают, что эти феномены могут быть редуцированы к более простым законам. Элементы антидисциплины имеют различные соотношения. Вот как это поясняет Э. О. Уилсон: «Нисходя на более низкий уровень организации и рассматривая его единицы как первичные объекты (скажем, атомы как контроверза молекул), учёные верят, что дисциплина, располагающаяся “над”, может и должна быть переформулирована на основе присущих им законов: химию посредством законов физики, биологию посредством законов химии и так далее по убывающей. Их интерес сравнительно узок, абстрактен и эксплуатационен. Так, П. А. М. Дирак, говоря о теории атома кислорода, мог сказать, что её следствия, если их развернуть, есть чистая химия. Некоторые биохимики до сих пор пребывают в убеждении, что жизнь – не более как действие атомов и молекул.

Не сложно проследить, как научная дисциплина становится, в свою очередь, и антидисциплиной. Вероятно, это негативное отношение вырабатывается вследствие того, что ревнители этих двух смежных уровней организации – таких как противостоящие друг другу атомный и молекулярный уровни – первоначально заиклены на сугубо своих методах и идеях, когда обращают свой взор на более высокий уровень (в данном случае – молекулярный). Нынешний стандарт учёного с широким взглядом на мир может быть определён как занимающегося изучением трёх предметов: собственной дисциплины (химии – в приведённом примере), низлежащей антидисциплины (физики) и того предмета, по отношению к которому его специальность выступает как антидисциплина (химические аспекты биологии)» [Ibidem, р. 8]. Получается так, по Уилсону, что грамотный эксперт в области нервной системы, к примеру, должен быть глубоко сведущ в структуре нервных клеток, но при этом он должен неплохо разбираться и в химическом базисе тех импульсов, которые проходят при посредстве и между этими клетками, а также он должен быть в состоянии объяснить, как нервные клетки функционируют вместе для продуцирования элементарных образцов поведения. Каждый преуспевающий учёный должен дифференцированно и комплексно рассматривать каждый из этих трёх уровней, окружающих его специализацию.

Взаимодействие между смежными областями, по мнению Уилсона, в самом своём начале является хоть и весьма натянутым, но всё же плодотворным, а вот по прошествии времени оно становится совершенно излишним. Обратимся вновь к Уилсону: «Рассмотрим происхождение молекулярной биологии. В конце XIX века микроскопическое изучение клеток (цитология) и химических процессов, происходящих внутри и вокруг их (биохимия), развивалось всё ускоряющимся темпом. Их взаимоотношения во время этого периода были достаточно непростыми, но они вполне укладываются в ту историческую схему, которую я описал. Цитологи были воодушевлены многочисленными свидетельствами чрезвычайной сложности клеточной архитектуры. Они смогли дать интерпретацию таинственной хореографии хромосом во время клеточного деления и тем самым возвели основу для возникновения современной генетики и экспериментальной эволюционной биологии. Многие биохимики же, со своей стороны, относились весьма скептически к той идее, что столь замысловатая структура может существовать на микроскопическом уровне. Они считали, что цитологи занимаются описанием артефактов, созданных лабораторными методами фиксации и метки клеток для микроскопического исследования. Их же интерес лежал в более “фундаментальных” вопросах химической природы протоплазмы, в особенности в границах теории, по-новому формулирующей жизнь как базирующуюся на ферментах. Цитологи же, в свою очередь, язвительно реагировали на любое утверждение, представляющее клетку как “мешок с ферментами”.

В общем, биохимики обвиняли цитологов в том, что они, по их мнению, слишком невежественны в химии, чтобы быть в состоянии постичь фундаментальные процессы, в то время как цитологи считали методы химиков совершенно непригодными для идиосинкразических структур живой клетки. Возрождение менделеевской генетики в 1900 году и последовательное освещение роли хромосом и генов сделали небольшой

шаг в сторону усиления их синтеза. Биохимики, не находя непосредственного пути для объяснения классической генетики, попросту по большей части игнорировали её.

И те и другие, по существу, были правы. Биохимия нынче сумела дать объяснение столь значительной части клеточной механики, что оказалось достаточным для оправдания большинства её ранних экстравагантных притязаний. Но по достижении этого, в основном начиная с 1950 года, она трансформировалась в новую дисциплину молекулярной биологии, которая может быть определена как биохимия, которая к тому же объясняет специфическое пространственное расположение таких молекул, как спираль ДНК и ферментные протеины. Цитология форсировала развитие специального раздела химии и использование батареи новых мощных технологий, включающих электрофорез, хроматографию, плотность-градиентное центрифугирование и x-лучевую кристаллографию. В то же время цитология трансформировалась в современную биологию клетки. Благодаря применению электронного микроскопа, увеличивающего изображение объекта в сотни тысяч раз, она в своих перспективах и языке конвергировала в направлении молекулярной биологии. В конце концов, и классическая генетика с её размахом от бактерий и вирусов до фруктовых мошек и мышей включила в себя биохимию и стала молекулярной генетикой.

Прогресс в значительной части биологии был подпитан конкуренцией между различными перспективами и техниками, берущими своё происхождение от клеточной биологии и биохимии – дисциплины и её антидисциплины. Их взаимодействие стало триумфом научного материализма. Оно чрезвычайно обогатило наше понимание природы живого и собрало материал для литературы более существенный и мощный, нежели какие бы то ни было представления донаучной культуры» [Ibidem, p. 9-10].

Главная ценность во всём этом та, что, по глубокому убеждению Э. О. Уилсона, подобную формулу, подобный алгоритм не только позволительно, но и во всех смыслах плодотворно и полезно использовать и применительно к оптимизации взаимоотношения биологического и гуманитарного знаний. Это означало бы одновременно, с одной стороны, заключение мира и окончание наконец-то столь затянувшейся «войны», а с другой – открывало бы невиданные просторы расширения нашего знания о самих себе как части этого огромного, нас окружающего мира. Предложенный принцип диалектического разрешения междисциплинарных противоречий мало того, что заслуживает пристального внимания, но и несёт собой ярко выраженную и трудно переоценимую эвристику.

Дело в том, что хотя редукция и представляет собой не более как традиционный инструмент научного анализа, всё же она до сих пор воспринимается многими с каким-то страхом и даже обидой. Если поведение человека может быть редуцировано и определяемо в значительной степени законами биологии, то человечество вроде как лишилось бы своего ореола уникальности и, в этом смысле, было бы дегуманизировано. Но представление, приравнивающее метод редукции философии умаления, по мысли Уилсона, полностью неверно. Как он отмечает, законы объекта необходимы для дисциплины, находящейся над ним, они вызывают и усиливают процесс более эффективного её переструктурирования, но недостаточны для целей самой этой дисциплины. Биология – это ключ к человеческой природе, и обществоведы, не забывает он подчёркивать, не могут себе позволить игнорировать её быстро усиливающиеся постулаты и принципы. Но по своему содержанию социальные науки потенциально значительно более широки и богаче. В конце концов, они не могут не впитать соответствующие идеи из биологии и продолжить их дальнейшую ассимиляцию и разработку. Надлежащее изучение человека, напоминает нам Уилсон, состоит в том, чтобы переступить нынешние рамки антропоцентризма в самом человеке. И в этом, надо сказать, с ним не согласиться сложно.

Список литературы

1. **Wilson E. O.** Consilience: the Unity of Knowledge. N. Y.: Knopf, 1998.
2. **Wilson E. O.** On Human Nature. Cambridge – London: Harvard University Press, 1978.
3. **Wilson E. O.** Sociobiology: the New Synthesis. Harvard University Press, 1975.

E. O. WILSON ABOUT DISCIPLINE AND ANTI- DISCIPLINE

Sergei Grigor'evich Piletskii, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of History and Philosophy
Yaroslavl' State Medical Academy
SergeyPiletsky@yandex.ru

The author pays attention to a very actual and difficult problem of philosophy and methodology of science – biological and classical sciences interaction, shows that there is no lack of special literature on this problem; studies it in the light of social-biological theory, which considers this problematics in acute, but at the same time potentially productive form; and uses for the analysis the materials of E. O. Wilson's great work (the founder of sociobiology) – “On Human Nature”, which is not translated into Russian as well as all other E. O. Wilson's works.

Key words and phrases: biological knowledge; social sciences; sociobiology; discipline and anti-discipline interaction; dialectical synthesis.